

В.И. Иванов

Прометей

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В.И. Иванов**
Прометей / В.И. Иванов – М.: Книга по Требованию, 2019. – 101 с.

ISBN 978-5-517-98563-7

ISBN 978-5-517-98563-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2019
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2019

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ности исход всякой трагедии, и мы недовольны появлением из-за кулис небесного разрешителя только потому, что этот дубочный подарок преждевременно и нецеломудренно обнажает нашу потаенную, заветную мысль. Но мы нуждаемся в уповании, — и если струны его в нас разбужены, готовы признать «очистительную» цель трагедии достигнутою.

Предлежащее лиро-драматическое произведение есть трагедия, — во первых, действия, как такового; во вторых, ^{self-exhausting} самонтощения ^{self-revelation} действительной личности в действии; в третьих, преемственности действия. В общем — трагедия титанического начала, как первоуродного греха человеческой свободы.

II.

«Грех — ^{conscience} свершенье», — шепчет возносящему огненный светоч «освободителю» ^{ambivalent} неусыпная ^{practical} дозорщица неправд и неотступная исполнительница возмездия; но тому, кто «все промыслил и предрешил», — мученику сознательности чрезмерной и преступной, — конечно, не новость и не темная загадка глубинное откровение этой горькой истины. Впрочем, ^{crimes} Эринния, как наша совесть, никогда не говорит своему собеседнику, чего не знает издавна он сам.

Но «промыслитель» и больше знает. Ему ведомо, что единственным смягчением вины и муки действия служит безсознательность последнего: «будь слеп, ковач, и глух»... Увы, его слишком зрячим и сухим глазам, как бы лишенным век, не дано пить услады сумерек!.. Род Иапета не ^{loved} причастился Дионису — и потому ^{crimes} уцелел, остальной из племени Титавов; но потому же и отрады не знает. Он сам, в лице Пандоры, горько жалуется людям на свою безблагодатность:

Счастливые, причастны вы огню
Небесного, как вы греха причастны
А мы, Титаны, знаем лишь вины
Ярем извечный, да горючий пламень,
Снедающий, злокозненный, голодный.
Да Матери голодную тоску.

Вина мятежных первенцев Земли (и нет разделяющей границы между виною и обреченностью!)—их алчность к действию и действительность из алчности, при бессилии к творчеству, рождающемуся из полноты; отчего самое действие, в своей механической насильственности, сводится или к разрушению и убийству, или к хищению. Прометей—похититель огня; его двойник—крылатый хищник; хищная Пандора—похитительница похитителя... Есть точка зрения, с которой понятным и оправданным представляется намерение Зевса-Крониды искоренить с наличным родом человеческим злое семя Титанов и создать новый род людей по закону своей «гармонии» (Dios harmonia—Aesch. Prom. 553). Это невинное человечество не знало бы искуса свободы, не блуждало бы по запретным тропам блудного сына; мудрым и сладкоречивым растениям подобилось бы оно, возросшим из небесной земли,—но чуждо было бы ему и то, что Пушкин признает «основанным от века по воле Бога самого»,—а именно:

Самостоянье человека,
Залог величия его...

Чтобы отдохнуть и закрыться от неумолимого света мысли, для которой нет завес и преград, Прометей алчет деятельности, несущей с собою подобие самозабвения. «Мне недосуг страдать»,—презрительно бросает он своей мучительнице, Эривнии; и все же страдает непрестанно. Титаническое начало облаго-

рожено страданием, как начало божественное свидетельствуется соприродным ему блаженством, неизсякающим в недрах его радованием. Прометей-страдальца переполняет, вместе с тем негреющим светом сознания, такой избыток мощно пылающей любви и глушимой презрением ненависти, что ему одно остается: перед самим собой притвориться безчувственным.

Душа—что склеп глухой; большое сердце—
Как чаша горечи.

III.

Есть святотатство и жестокость в насильственном низведении, исхищения совершенной Идеи из покоища истинного бытия в быстрину алчущего, но не достигающего полноты «существования». Таково титаническое отношение как к божественному первоначалу духовнейшего, ноуменального Огня (он же—Дюонис, «Жених и Свет Новый», по словам древней молитвы, творимой при вознесении светочей), так и к женскому по своей метафизической природе огневому естеству, девственному на очагах небожителей и в руках девственников, Эриний,—вдовствующему на земле *).

Но такова же и природа действия вообще, в отличие от чистого творчества; и если прав мудрствующий над Евангелием Фауст, будто в начале было не Слово, но Дело,—не откровение и нисхождение, а двигательный почин,—этою подменной непостижимого благодетеля предопределяется непримиримый раскол, непо-

---

*) Это естество оскверняемо или заражаемо душевными «мязмами» и может пуждаться в очищении. После персидского нашествия весь огонь в занятых врагом местностях должен был быть потушен и заменен огнем, затепленным у очага Фебова. Донесший его из Дельфов в Платен к вечеру того же дня Эвхид пал мертвым от истощения сил.

правильный разлад мироздания, и в самом абсолютном творчестве изобличается вина всякого относительного творчества,—полу-дионисийского, полу-титанического, единственно доступного человеку.

В каждом деянии, как и в каждом обособленном возникновении, таится обращенное внутрь его жало смерти. Смерть действия—его разложение: оно обращается в свое противоположное,—«само кует свой плен»,—между тем как первоначальная воля возрождается в другом действии, которое в свою очередь проходит тот же круг. Каждое действие подобно жезлу, обвитому четою ахиди: змеи взаимно уязвляют одна другую на смерть, — жезл выскальзывает из их колец. Крылатым надлежит ему быть,—т. е. стремиться, хотя бы и титаническим усилием, к безусловному, к совершенству чистой Идеи,—чтобы не кануть в нижнюю бездну: тогда обовьет его новая яростная чета, и вознесение действия будет продолжено.

Прометей верит в это медленное искупление дела и делателя, и потому в споре с непримиримыми в своем хаотически-безпредельном, принципиально безформенном и бесплодном свободолобьи, но близкими ему по мятежному духу Океанидами, утверждающими, что сотворить «возможное» значит изменить единственно желанному и святому «невозможному», иначе говоря: безусловному,—с упрямством неизбывной боли и сосредоточенного презрения опять и опять провозглашает свое выстраданное признание:

Что мог, я сделал; большего не мог;
Не мог и много...

Титанизму свойственно безкрылое сознание принудительности овладевающей им воли, чувство внутреннего детерминизма, которое так непохоже на ра-

дость совпадения свободы с необходимостью — эту божественную печать облагодащенной души.

IV.

Но если действие Прометей по необходимости ограничено, зато целостна его жертва, и безусловно его саморасточение, самоопустошение, самонсчерпание, — «истощение» (*kémbósis*), как выражали это понятие, говоря о тайне воплощения и искупления, наши старинные толковники священных словес эллинских. Поистине, он положил душу свою за человек, но совершил этот подвиг не как Агнец Божий, а как мятежный Титан, — в грехе и дерзновенной надежде.

Истощение божественное, противоположное титаническому, представлено в рассказе о нисхождении в мир первородного сына Зевсова, Диониса. Мие — не всенародный, обще-эллинский, но прикровенный от непосвященных, основоположный мие мистической общины древнейших орфиков, — знал об этой извечной жертве нижеследующее:

Древе сына Зевс родил.
В начале было то. Родилось время
С рождением сына. Был иной тот Зевс.
Владыкой мира он Дети поставил.
И сладостно играл вселенной сын,
И в той игре звучало стройно небо.
Небес алкал — род Земли — Титаны:
Подкрались к младенцу Дионису,
Пожрали плоть его, огнем палавшим
Насытились — и пали пеплом дымным *)

*) Обычно повествовалось, что Титанов испепелял карающий перун разгневанного Зевса. Сам Прометей выше говорит, что они были «убиты мезью Зевсова орла». Пандора дает их гибели истолкование имманентное: дикое приращение божественной плоти обратилось для детей Хаоса в опаляющий огонь.

А сердце сына, бьющееся сердце.
Отец исхитил и в себе сокрыл...

Напротив, самопожертвованием титаническим является ревность перво-убийцы Архата ^{*)}, который, по свидетельству своего творца и наставника, «рвением истошил дыхание жизни», когда, на первом состязании огненосцев,—

в яром беге,

Сам светочем он вспыхнул и сгорел.

Здесь доблесть уживается с преступлением в единой героической и, следовательно, страстной, по эллинскому миропониманию, участи.

Таково же и самоотречение Прометей, основанное на изначальном нарушении предустановленного соглашения живых сил. Его первый мятеж, первая вина, есть возстание против собственной бытийственной сущности, как бытия «конкретного» (в смысле, придаваемом этому слову Гегелем). Тот, кому «не мир надобен, а семя распри», начинает свое дело с внутренней схизмы и утверждения «дискретности» в себе самом, с раскола своей целостной полноты на два противоположающихся начала—мужское и женское. Препоясываясь к действию, он заранее признает, принимает и волит его односторонним, насильственным, содержащим в себе отпадение от божественного всеединства.

Θεμίδυ молит: «Матерь, язведи
Жену на свет из самого меня...

---

^{*)} Лица и действия любимцев и избранников Прометей подлежащей трагедии—свободное создание ее автора. Их имена значат: Архемор—начаток рока; Архат—начаток вины и кары; Автодик—самосуд; Пырр—огненный; Флогий—пламенеющий; Дадух—носитель светоча; Никтелий—ночной; Астрапей—молниеносный; Керавн—перун; Аргест—бело-блестящий. Имя самого Прометей отвечает нашему «Промыслитель».

Все женское душевного состава,
Что есть во мне, дам; ты тело дай».
Река Тамида: «Будет по желанью.
Я тело дам и выну из тебя
Все женское душевного состава.
Отныне ты всецело мужем станешь»...

Так возникает женский двойник Прометей, героиня подлежащей трагедии, — новая Пандора, о которой, кроме ее качества раздавательницы соблазнительных даров и кроме рассказа об участии многих божеств в ее сотворении, древний миф ничего не знает. Освободитель мужеского начала делается порабителем женского. Пророчество Эриннии исполняется: «мстит раба». Но, как говорит сама жертва, обернувшаяся жрицею: «суд мести—рок любви; и мечь—любовь». Прометей и Пандора сплетаются четою эхидн, взаимный укус которых развязывает змеинный узел действия.

V.

Индий Дионисом, Прометей исполнен Эроса: ибо гитаничен Эрос, поскольку он — сын Скудости, как читаем у Платона. К Дионису грядущему горит его Эрос — и к живому носителю Дионисова огня, — «мыслящему и ронщающему тростнику», подобному той трости полой, в которую спрятав похититель молнии божественную искру, — к возникшему под его творящими перстами Человеку. Последнему он жертвенно отдается весь,

До истощенья расточая,
До изможденья возлюбя,
Себя в едином величая,
В едином отразив себя.

Ради него растрчивает он все свои силы до черного дна, на котором обнажается одинокое безмертие

того, кто «стал и совершился»,—безрадостное безсмертие единой недвижимой воли...

Эллины с некоторой поры узнали в Прометее ваятеля человеков. Орфики, с своей стороны, учили, что род человеческий возник из пепла и дыма спаленных Титанов. В речи Пандоры к людям об их сотворении Прометеем оба предания приведены в связь:

Он создал вас. Еще в долинах тлея
Зола Титанов. В ней огонь Младенца
Еще дышал. Перстов искала персть.
Ожить хотела. Вы возникли. племя
Его надежд...

О том же повествует и сам Прометей:

Сама в перстах моих слагалась глина
В обличья стройные моих детей,
Когда сошел я в пахнущие гарью
Удолия, где прах Титанов тлея,
Младенца Диониса растерзавших
И в плоть свою приявших плоть его.
Еще незримый теплился огонь
Божественным причастьем Геи темной
В пласту земном, покрывшем кости сильных
Убитых мезью Зевсова орла.
Моих перстов ждала живая персть,
Чтоб разрешить богоподобных плен
И свету дня вернуть огонь Младенца.
Я был творцом их, если тот творец
Чье имя меж богов—Освободитель *)

«Богоподобными» родились люди, но и Титану подобными: «weisen Wollens. wilden Handelns»,—сущностями «мудрого духовного воления, дикого действия», как говорит о себе героиня глубокомысленной Ге-

---

*) Род богов именует сущности иными именами, нежели те, какими род смертных называет явление этих сущностей в мире.

тевой баллады «Пария». Неоплатонники различали в человеческом составе высший «дионисийский разум» (nús díonysiakòs) и стихию титаническую. Океаниды трагедии видят, что, творя человека, Прометей «себя творил в подобьи смертном». Пандора без дести напоминает живым статуям демонического вальтера:

Небесного умножить в вас огня
Не мог художник...

А этот, в свое оправдание, ссылается на действительную мощь самопреодоления, человеку присущую: с нею возьмет он некогда в свои руки уток мировой ткани, основа которой дана судьбой,—и своля духа станет:

Себя ковать могущих я ковал,
Себя творить свободных сотворил я...

Но не улыбочиво встретили новоданные титанические души свет солнечный. «Всех счастливее тот, кто вовсе в мир не родился»,—твердили эллины. Колыбельная песнь «алчущего племени», еще незнающего, что оно в свою очередь вкусит смерть, которую с первых дней жизни и борьбы за жизнь уже должно распространять вокруг себя,—эта песнь подобна горестному плачу новорожденного младенца:

Изведенным к свету дня
Поневоле на недолю,
Нам была б желанна смерть,
Еслиб вечную неволю
Не слышла эта твердь.

И глухим зовом хаоса звучит из их душевной глубины все, «что день грядущий им готовит»:

В жилы влит огонь мятежный;
Дух уныл, а в сердце гнев;
И для жатвы неизбежной
Преступленья зреет сев.

Титаническая стихия обладает прирожденным тайновидением зла. И подобно тому, как Байронов Каин услышав от Люцифера, что умереть значит вернуться в землю, отвечает: «быть, как земля, спокойным,—зла бы в том не видел я»,—так и мужчины нового рода готовы променять свое скитанье по земле на участь погруженных в нее корнями растений, дреме которых завидуют женщины, славословя Землю:

Любо жатвы злакам тучным,
И цветам, и древесам
Быть с тобою неразлучным,
Воздыхая к небесам.

VI.

Эта глубокая меланхолия свойственна, по суждению Прометея, тому, в ком Дионисова огня недовольно: ибо не равен в людях удел его. И всех унылее отсталый, не знающий радости творчества и совершенствования, живущий без Муз (*ámuσos*) и без письмен (*agrámmatos*),—«дикарь понурый».

Поистине, земное тяготее
Ко сну земли; но бодрствует огонь.
Я дал им жизнь; но первенцам моим
Не в радость жизнь. И в ней кланут неволю
Не потому, что ведают и любят
Свободное, и н о е бытие,—
А потому, что быть их приневолил
В дрему запавший, бдительный огонь.
Избранников немного: в них живеи,
Богаче пламенеющая жила;
Ии жизнь мила, и ненавистна смерть.

«Избранники», в самом деле, полны энергии, утверждающей жизнь. Тем горшим искусом служит для них неизбежный и скоро наступающий опыт человеческой смерти. Впрочем, смерть накликают в мир они сами—